

118. № 700
Всехъ
12.

Сергѣй Ольденбургъ.

Экспедиція Д. А. Клеменца

въ ТУРФАНЪ

въ 1898 году.

Отдѣльный оттискъ изъ 45-го тома „Извѣстій Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ИРКУТСКЪ.

Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.

Экспедиція Д. А. Клеменца въ Турфанъ въ 1898 году.

Экспедиція Дмитрія Александровича Клеменца въ Турфанъ въ 1898 году была совершена имъ вмѣстѣ съ его женой Елизаветою Николаевною и Михаиломъ Степановичемъ Андреевымъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ. Экспедиція эта являемся настолько опредѣленною гранью въ нашемъ изученіи древностей Китайскаго Туркестана, что вполнѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго освѣщенія.*)

Исторія возникновенія Турфанской экспедиціи такова. Въ 1896 году въ Императорское Русское Географическое Общество поступилъ мѣшокъ съ обрывками китайскихъ и уйгурскихъ рукописей, подобранныхъ и купленныхъ въ разныхъ мѣстахъ Турфанского оазиса, главнымъ образомъ, повидимому, въ Идикут-шари и Туюк-мазарѣ экспедицію, совершенную въ Среднюю Азію В. И. Роборовскимъ и П. К. Козловымъ въ 1894—1895 г. г. Секретарь Общества Александръ Васильевичъ Григорьевъ, съ присущимъ ему горячимъ и широкимъ интересомъ ко всему, что касалось Средней Азіи, искалъ возможности разобраться въ содержимомъ мѣшка.

*) Источниками намъ служили: 1) дневникъ Д. А. въ небольшой кленчатой тетради; писанъ карандашомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не много стерся; 2) записи Д. А. о древностяхъ Турфана, карандашомъ въ кленчатой тетради, въ четвертую долю листа; 3) небольшой альбомъ съ рисунками карандашомъ, рукою Д. А.; 4) протоколы конференціи И. Ак. Н.; здесь, напечатано письмо Д. А. къ академику В. В. Радлову отъ 30/x 1898 изъ Чугучака, перепечатанное потомъ въ Изв. Ак. Н. 1899 г.; 5) Книга Д. А. переведенная съ его рукописи на немецкій языкъ покойнымъ д-ромъ Галлеромъ: „Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft. St.-Petersburg 1899 г., 6. Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общества за 1898 г. СПБ.“ 1899 г., стр. 20—24.

Онъ обратился къ С. Ф. Ольденбургу, который вмѣстѣ съ А. О. Ивановскимъ разобралъ рукописи и нашелъ обрывки китайскіе, уйгурекіе, санскритскіе и двуязычные: уйгурскіе съ санскритской транскрипціей; онъ ихъ представилъ В. В. Радлову, который, заинтересовавшись рукописями, сдѣлалъ о нихъ докладъ въ Академіи Наукъ. Отдѣленіе историческихъ наукъ и филологіи избрало комиссию изъ академиковъ: В. В. Радлова, К. Г. Залемана и барона В. Р. Розена, которая и предложила командировать Д. А. Клеменца для изслѣдованія главнымъ образомъ Туюк-мазара и Идикут-шари, а по возможности и древностей другихъ мѣстъ Турфанскаго края; срокомъ экспедиціи назначено было 4 мѣсяца; экспедиція была снабжена фотографическимъ аппаратомъ, инструментами для съемки и для эстампажа надписей.

Въ первой половинѣ мая экспедиція отправилась изъ С.-Петербургъ, черезъ Барнаулъ, Бійскъ, Кош-агачъ въ Кобдо. 15 Іюля Клеменцы были въ Кобдо, 13 Августа прибыли въ Гучень, откуда выѣхали на Урумчи по большой дорогѣ 17 августа, немного отдохнувъ и переснарядившись послѣ утомительного перехода по Гоби. Разсмотрѣніе этой части пути не входитъ въ нашу задачу, и мы начинаемъ поэтому съ Гучена. Изъ пути за Гученомъ по направленію къ Урумчи слѣдуетъ отмѣтить рядъ замѣтокъ Д. А. о состояніи пути, хлѣбопашства и т. п.: его всегда интересовала хозяйственная сторона быта туземцевъ. Считаемъ не лишнимъ дать выписку изъ дневника относительно первой остановки послѣ Гучена, мѣстечка Джимисар. ¹⁾

„18 Августа. Джимиса довольно порядочное мѣстечко. Оно выросло заново рядомъ съ разрушеннымъ дунганами городомъ. Отъ старого осталась полуразрушенная и заново возобновленная кумирня. Среди этихъ развалинъ, по словамъ Чжимисарскихъ сартовъ, много камней писанныхъ, много идоловъ. Пошли смотрѣть: надписи оказались новѣйшими китайскими писаніями; идолы--фигуры львовъ изъ чугуна, отлитыя въ Китаѣ или, м. б., въ Долонъ-норѣ. Развалины

¹⁾ Относительно этой мѣстности см. теперь статью покойнаго Б. В. Долбекова, оконченную въ 1909 году и изданную въ 1915 г., съ примѣчаніями В. Л. Котвича: «Въ поискахъ развалинъ Бишбалыка» З. В. О. И. Р. А. О. ХХIII 77—121 (съ тремя таблицами). Здѣсь указана соответствующая литература.

всѣ настолько новы, что приписать имъ какое-либо историческое значеніе невозможнo.

Во время прогулокъ нашихъ по городу безотвязная толпа, какъ водится, слѣдовала за нами по пятамъ. Одинъ какой-то, довольно почтенный съ вида китаецъ присталъ ко мнѣ съ требованіемъ продать мою трубку, другой безъ церемоніи схватился за фотобинокль, такъ что пришлось заставить его убрать лапы.

Около Джимисара есть въ горахъ монастырь, про который говорятъ, что тамъ есть изображеніе національнаго торгоутскаго богатыря Ябу-ханъ Мергеня. Про него слышно два сказанія. Первое гласитъ, что это былъ великий богатырь, котораго очень боялись китайцы. Китайскій ханъ послалъ за нимъ хитраго человѣка, чтобы тотъ заманилъ богатыря въ Пекинъ; тотъ поѣхалъ, а китаецъ постепенно отравлялъ его. Дѣйствіе отравы кончилось тѣмъ, что богатырь уснулъ и окаменѣлъ. Окаменѣлый богатырь хранится въ пещерѣ въ монастырѣ, но китайцы, завѣдующіе монастыремъ, не показываютъ его. Вмѣсто него, они сдѣлали подобіе первой статуи и выдаютъ ее за настоящую; но Цаганъ-гегенъ, побывавъ въ этомъ монастырѣ, обнаружилъ подлогъ; но все-таки монголовъ рѣдко допускаютъ китайцы до настоящаго богатыря, а тѣ, которымъ удается побывать тамъ, обыкновенно сильно хвораютъ послѣ этого, потому что воздухъ въ пещерѣ проникнутъ отравой, отъ которой погибъ торгоутскій герой.

Другая легенда, разсказанная мнѣ карашарскимъ ламой, который ѿхалъ съ нами, гласитъ слѣдующее: птица Ханъ-Гариде повадилась летать надъ Китаемъ и часто за-слоняла собою солнце и мѣсяцъ. Ханъ китайскій, прослушавъ про сильнаго торгоутскаго богатыря, велѣлъ представить его въ скорѣйшемъ времени въ Пекинъ, въ расчетѣ, что онъ одинъ можетъ освободить страну отъ чудовищной птицы. Богатырь былъ очень величъ ростомъ. Для перевозки его устроили телѣгу, въ которую запрягли 200 муловъ. Богатырь наложилъ на нее руку, и телѣга изломалась. Устроили другую, еще больше первой, запрягли 700 муловъ, богатырь занесъ на нее ногу и раздавилъ экипажъ вмѣстѣ съ мулами. Ввиду невозможности доѣхать до Пекина на

какомъ-либо экипажѣ; торгоутскій богатырь пешелъ туда пѣшкомъ, почему и прозванъ Ябуханъ-Мергенъ—пѣшій богатырь.

Царь Китайскій не зналъ, какъ и встрѣтить Ябухана. Хотѣлъ одарить его богатымъ платьемъ; но съ этимъ было много хлопотъ: на одинъ сапогъ не хватило двухъ большихъ конскихъ кожъ.

Ябуханъ какъ пріѣхалъ, заказалъ, чтобы ему сдѣлали стрѣлу въ 70 алдановъ*) длиной. Была сдѣлана такая стрѣла». Здѣсь запись обрывается почему-то. Мы сдѣлали эту длинную выписку изъ дневника съ одной стороны, чтобы дать образчикъ записей Д. А.. съ другой,—чтобъ показать, на какой зыбкой почвѣ невольно должны покоиться показанія путешественниковъ, и съ какою осторожностью приходится путешественнику пользоваться получаемыми имъ на мѣстахъ свѣдѣніями. Д. А., какъ опытный и осторожный путешественникъ, только занесъ въ свой дневникъ запись двухъ легендъ, носящихъ, несомнѣнно, совершенно случайный характеръ и, м. б., даже нарочно для него съимпровизованныхъ въ примѣненіи къ данному мѣсту. Ясно, что сообщавшие, даже первый, были не мѣстные люди, что это были монголы, мало интересовавшіеся дѣйствительностью, ибо рѣчь шла о пещерѣ, чрезвычайно извѣстной въ тѣхъ мѣстахъ и заключающей въ себѣ громадную лежащую статую Будды. Это т. н. китайцами, „цэнь-фо-дун“—«Пещера 1000 буддъ». Путешественникъ, разспросившій мѣстныхъ людей, получилъ бы, несомнѣнно, иная свѣдѣнія, чѣмъ Д. А. Мы уже сказали, что Д. А., съ присущей ему осторожностью, нигдѣ не использовалъ случайной записи своего дневника, хорошо понимая всю ея ненадежность и сознавая, какъ легко путешественникъ, вводя подобныя случайныя записи въ научный обиходъ, можетъ создать фантастическія представленія, какъ о несуществующихъ «мѣстныхъ» легендахъ, такъ и о мнимыхъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Конецъ авгуаста находитъ Клеменцевъ уже въ Урумчи, откуда Д. А., въ которомъ всегда преобладали симпатіи географа и геолога, рѣшилъ отправиться на Богдо-ула,

*) Мѣра приблизительно въ сажень, по указанію А. Д. Руднева.

хотя это и не входило собственно въ планъ его экспедиціи. Всякій, кому посчастливилось видѣть эту величественную и чарующую своими снѣжными вершинами гору, хорошо пойметъ, что Д. А. не могъ удержаться отъ этой поѣздки; 26 августа они выѣхали изъ Урумчи, изъ-за снѣговъ имъ не удалось подняться на вершины, но они побывали у знаменитаго озера: „этимъ визитомъ на озеро, „записываетъ въ дневникъ Д. А.“, и окончилась наша экспедиція къ подножію престола Божія“. 31 они вернулись въ Урумчи, откуда 5 сентября обычной арбяной дорогой поѣхали въ Турфанъ, нанявъ «не безъ хлопотъ» пару телѣгъ. 9 сентября проѣжаютъ мимо старого города на Ярѣ.

«Верстахъ въ 10 отъ Кабырга протекаетъ сквозь эти каньоны рѣчка Яръ. Здѣсь встрѣчаются снова поселенія, мѣстечки, засаженные тополями, хлопкомъ и сорго.. Поднявшись изъ устья этой рѣчки, видимъ на противоположной сторонѣ развалины древняго города —Яръ. Его также называютъ и Идыкутъ шари, какъ находящійся около оазиса Түокъ. За подъемомъ начинаются въ перемежку поля и усадьбы, цѣлый рядъ линій карысей пересѣкаютъ дорогу. Тамъ, гдѣ нѣтъ усадебъ, настоящая Гоби. Версты черезъ три начинаются сады Турфана, и мы вѣзжаемъ, окруженные цѣлой толпой любопытныхъ, мальчишекъ и взрослыхъ, въ мусульманскій Турфанъ“.

Несмотря на непонятное отсутствіе указаній въ дневникѣ, несомнѣнно, что именно ко времени между 9 сентября и 14 относится посыщеніе экспедиціею развалинъ старого города на Ярѣ, т. к.. этими днями отмѣчены пріѣздъ въ Турфанъ и отъѣздъ изъ него: въ теченіе пяти дней нечего было дѣлать въ мусульманскомъ Турфанѣ, и отсюда удобнѣе всего посыдать городъ на Ярѣ; изъ дальнѣйшихъ записей дневника видно, что въ другое время Д. А. не могъ быть на Ярѣ.

14 сентября двинулись обычной восточной дорогой мимо старого Турфана черезъ Читкань, гдѣ переночевали, Лангаръ, Ауатъ, Астану, Каражоджу, гдѣ и остановились около развалинъ Идикут-шари. 16 сентября передневали, а 17 перекочевали въ Сенгимагызы.*.) Отсюда 19 сентября

*) Д. А. пишетъ Идыкутъ-шари, (на картѣ Идыготъ-шари, въ нѣмецкомъ Jdykut-Schari), Сенгимаузъ.

направились въ Безекликъ который Д. А. называетъ по близъ лежащему селенію Муртукъ. Здѣсь опять пропускъ въ дневникъ, гдѣ мы находимъ уже указаніе только на 26 сентября, день выѣзда изъ Туюка,*) откуда экспедиція двинулась въ Сыркипъ,**) куда прибыли къ ночи, на слѣдующій день 27 двинулись въ Пичанъ, откуда уже 28 повернули назадъ въ Сыркипъ, чтобы осмотрѣть старинное буддійское зданіе и угольные копи, гдѣ провели часть дня 29 сентября, прїѣхавъ затѣмъ въ Люкчунъ, гдѣ провели 30; 1-го октября съѣздили къ развалинамъ Асса-Шари. 2 октября выѣхали изъ Люкчуна черезъ сѣверныя ворота на С. С. З., черезъ оазисъ Ланге-серъ, откуда повернули на С., затѣмъ на З., подошли къ линіи оазисовъ на р. Туюкъ, прошли черезъ обширное кладбище, далѣе въ Астану. Дневникъ отмѣчаетъ уже только 4 сентября выѣздъ изъ Турфана тою-же дорогою, какъ прїѣхали изъ Урумчи. На 7 октября, когда выѣхали изъ Дабанчена на Сае-ну,***) дневникъ прерывается до 15 октября, дня выѣзда изъ Урумчи. 26-е октября еще помѣчено, повидимому, около станка Ямату****) и 27 набросокъ горъ и одно слово Толи, повидимому, пикетъ Толу. На этомъ обрывается дневникъ, но изъ письма къ академику В. В. Радлову изъ Чугучака отъ 30 октября мы узнаемъ, что экспедиція къ этому времени уже прибыла къ русской границѣ, и что раньше изъ Люкчуна М. С. Андреевъ ъѣздили на осмотръ Лемджинскаго ущелья. Этимъ исчерпывается маршрутъ экспедиціи, прослѣженный нами въ той его части, въ которой онъ имѣлъ отношеніе къ буддійскимъ древностямъ. Точное выясненіе дорожника намъ представляется весьма существеннымъ для пониманія всякой экспедиціи и для возможности связать одну экспедицію съ другой, такъ какъ надо имѣть въ виду, что экспедиціи, посѣщающія мало извѣстныя страны, доставляютъ намъ въ своихъ дневникахъ и дорожникахъ ис-

*) Д. А. пишетъ Туюкъ, по картѣ Туекъ, въ нѣмецкомъ текстѣ Тојок.

**) Д. А. пишетъ всегда Сырхебъ, мы слышали на мѣстѣ Сыркипъ.

***) У Д. А. здѣсь Сеона.

****) У Д. А. Яматей.

торические документы большой важности. Что бы мы не дали теперь, чтобы знать точные дорожники многихъ старыхъ путешественниковъ, надъ выясненiemъ которыхъ ученыe изошпяютъ свою сообразительность и острозумie? Вмѣстѣ съ тѣмъ, сравненіе только что приведенныхъ данныхъ о штути экспедиціи съ данными о ея научныхъ результатахъ покажеть намъ, какъ много сдѣлано Д. А. и его спутниками въ чрезвычайно короткое время, и заставитъ насъ пожалѣть о томъ, что именно на Турфанскій оазисъ экспедиція могла удѣлить такъ мало времени. Предшественники Д. А. по посѣщенію Турфана не интересовались его древностями, и онъ первый далъ намъ обстоятельный свѣдѣнія о нихъ; тѣмъ болѣе приходится жалѣть о томъ, что краткость пребыванія въ Турфанскомъ краѣ и скудость средствъ помѣщали Д. А. спасти для науки то, что, благодаря ненаучнымъ пріемамъ и жаждѣ къ захвату большаго количества археологической добычи, бѣзповоротно погибло впослѣдствіи. Какъ извѣстно, «изслѣдованіе» древностей китайского Туркестана, производившееся лицами, почти исключительно весьма почтенными и достойными, представляетъ тѣмъ не менѣе печальную картину послѣдствій международнаго состязанія и безсистемности работы.

Самъ Д. А. смотрѣлъ на свою работу, и совершенно правильно, какъ на чисто развѣдоочную: въ его распоряженіи было слишкомъ мало времени, силъ и средствъ для систематического изученія древностей Турфанскаго края. Онъ поставилъ себѣ задачей только выяснить въ общихъ чертахъ, что можно найти въ Турфанѣ, и что надо впослѣдствіи сдѣлать для изслѣдованія этихъ древностей. Съ этой точки зрѣнія надо признать, что, принимая во вниманіе ограниченность времени въ его распоряженіи, Д. А. справился съ своею задачею въ весьма полной мѣрѣ.

Экспедиція дала намъ указанія относительно главнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ остались памятники древности, и даже коснулась нѣкоторыхъ второстепенныхъ. Изъ книги Д. А. и изъ его дневниковъ видно, что слѣдующіе мѣста и памятники древности были осмотрѣны экспедицію. Мы начнемъ ихъ перечисленіе съ запада, въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ

осматривала экспедиція: 1. Старый городъ на Ярѣ;*) 2. Пещеры противъ города на правомъ берегу рѣки; 3. Пещеры погребальныя въ ложбинкахъ и ущельяхъ около Яра; 4. Старый Турфанъ, 5. Медрессе съ башней около старого Турфана, по отношенію къ которой Д. А. указываетъ на легенду будто бы здѣсь былъ несторіанскій храмъ; несмотря на самые тщательные разспросы, мы не могли найти подтвержденія существованію этой легенды въ Турфанѣ; 6. Развалины города Идикут-шари; 7. Развалины къ востоку отъ Идикут-шари; 8. Башня Тайзанъ въ Астанѣ; 9. Развалины у Сенгимагыза, входа въ Сенгимское ущелье; 10. Развалины въ ущельѣ Сенгимъ; 11. Пещеры Бездекликъ, которая Д. А. называетъ по имени деревни и рѣки Муртукъ; 12. Пещеры и развалины въ ущельѣ Туюк-мазарь; 13. Буддійская ступа въ Сыркинѣ; 14. Остатки древностей въ Лемджинскомъ ущельѣ; 15. Развалины монастыря къ югу отъ Люкчуня, называемая Асса-шари. Позднѣйшія изслѣдованія и экспедиціи немнogo прибавили существеннаго къ этому списку. Это прежде всего древности въ ущельяхъ и на невысокихъ горахъ къ сѣверу отъ мусульманскаго Турфана: ущелья Курутка, Таллык-булак, Сассык-булак и мѣстность Шипан; затѣмъ ущелья и ложбинки къ сѣверо-западу, отъ Безеклика, извѣстныя, повидимому, у туземцевъ подъ названіями Бешбуха, Ходжамъ-булаге, Пака-булак; развалины на островкахъ болотистаго озера Чикан-коль, къ сѣверу отъ Сенгимского ущелья, на берегахъ этого озера и въ пещерахъ по близости, и наконецъ пещеры въ боковомъ ущельѣ, выходящемъ въ Лемджинское ущелье. Для всякаго путешественника ясно, какимъ образомъ въ мѣстности, не имѣющей сколько-нибудь надежной и подробной карты, Д. А. могъ пропустить тѣ или другіе небольшіе остатки древностей, особенно, принимая въ разсчетъ, что у него въ распоряженіи было очень мало времени: на востокѣ время — все, оно тамъ имѣть даже больше значенія,

*) Въ дневникахъ Д. А. всюду правильное название Яръ; въ книгѣ почему то взято совершенно неизвѣстное и неупогребительное Яръ-хoto Русский аксакаль въ Турфанѣ, нынѣ покойный Ахор-хантъ Тюря говорилъ намъ въ 1909 году, что Д. А. почему то называлъ городъ Яр-хoto, и что послѣ него некоторые другие тоже стали употреблять неизвѣстное до того и неправильное „Яр-хoto“.

чѣмъ деньги, ибо даже съ большими деньгами на востокѣ въ короткое время сдѣлаешь немного. Разспросы туземцевъ даютъ сперва очень мало, особенно мало они могли дать Д. А., который первый началъ разыскивать древности въ Турфанѣ, денежнѣе значеніе которыхъ въ то время Турфанды себѣ еще мало представляли. Насколько трудно получить проводника, а, значитъ и доступъ къ рѣдко посѣщаемымъ развалинамъ, испытали, напр., и мы сами, когда, при гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ у Д. А., обстоятельствахъ, хотѣли въ 1909 году найти развалины недалеко отъ Карапшара, приблизительное мѣсто которыхъ мы даже знали: туземцы по какой то причинѣ не захотѣли проводить насъ къ развалинамъ, обманывая разными рассказнями—развалины мы такъ и не могли посѣтить. Поэтому еще разъ приходится пожалѣть о томъ, что экспедиція Д. А., обладавшаго, какъ путешественникъ, исключительными талантами, была такъ кратковременна. Это особенно отразилось на второй задачѣ, которую онъ преслѣдовалъ—найти рукописи, образа, статуэтки и т. п. Здѣсь онъ почти ничего не могъ сдѣлать: самостоятельный раскопокъ онъ по недостатку времени и средствъ вести не могъ, а туземцевъ приходится очень постепенно пріучать къ продажѣ древностей, значеніе которыхъ, повторяю, въ 1898 году въ Турфанѣ совсѣмъ не сознавалось. Уже много лѣтъ спустя, туземцы съ искреннимъ огорченіемъ разсказывали о массѣ рукописей и вещей, которые они зря уничтожили, не понимая ихъ цѣнности: «сколько бы у насъ было теперь денегъ», говорили они. Тѣмъ не менѣе некоторое количество уйгурскихъ, главнымъ образомъ, документовъ, рукописей и ксилографовъ было добыто Д. А., и материалы эти были использованы академікомъ В. В. Радловымъ. Инвентарный списокъ вещей и рукописей, привезенныхъ Д. А. и хранящихся въ музѣи антропологіи и этнографіи и Азіатскомъ Музѣи Императорской Академіи Наукъ, будетъ изданъ нами.

Укаавъ общій характеръ добытыхъ экспедицію результатовъ, мы перейдемъ къ частнымъ указаніямъ методовъ ея работы и затѣмъ къ опредѣленію того, что сдѣлано экспедицію. Для съемки не было достаточно времени, но Д. А. привыкшій въ путешествіяхъ къ маршрутнымъ кроκи, кое-

гдѣ заносить ихъ въ свой дневникъ, точно такъ же, какъ и наброски плановъ пещеръ и зданій. Частью онъ воспользовался ими въ своей книгѣ, частью въ нихъ придется еще разбираться при изданіи оставленныхъ имъ матеріаловъ.

Для фотографированія экспедиція имѣла лишь аппаратъ съ пластинками 13×18 и фотобинокль. Нѣкоторая изъ болѣе удачныхъ фотографій воспроизведены въ книгѣ; условія фотографированія въ пещерахъ чрезвычайно затруднительны, и потому число вполнѣ удовлетворительныхъ снимковъ не могло быть велико. Опись этимъ фотографіямъ будетъ напечатана нами вмѣстѣ съ описью предметовъ и рукописей.

Кромѣ фотографій, экспедиція сняла нѣкоторое количество эстампажей съ надписей древне-турецкихъ, писаныхъ т. н. орхонскими письменами. Надписи эти, прочитанныя В. В. Радловымъ, были напечатаны имъ въ книгѣ Д. А.

Но планы, рисунки, фотографіи, эстампажи и случайные покупки небольшого числа рукописей и предметовъ должны были, естественно, показаться недостаточными экспедиціи: видя передъ собою богатство росписи пещеръ и храмовъ, ясное представлѣніе о которой не могли дать ни рисунки, ни фотографіи, экспедиція стремилась привезти подлинники. Трудность здѣсь была, во-первыхъ, въ снятіи стѣнописи безъ поврежденія ея, а, во-вторыхъ, въ перевозкѣ. Раззоренное состояніе многихъ пещеръ позволяло, безъ ущерба для пониманія и безъ того уже мѣстами до неузнаваемости разрушенной композиції образовъ, брать отдельные куски росписи. Въ Турфанѣ, въ большинствѣ случаевъ, роспись нанесена на очень толстый слой глиняной штукатурки, и поэтому, при нѣкоторой тщательности работы, можно легко вынимать цѣльные куски росписи. Д. А. старался вынимать образцы разныхъ манеръ, и собраніе этихъ образцовъ, находящихся нынѣ въ Музѣѣ Антропологии и Этнографіи, легко въ основу первымъ попыткамъ изслѣдованія искусства китайского Туркестана. Выпиливаясь большою осторожностью и съ разборомъ образцы росписей, Д. А. не избѣгъ однако нѣкоторыхъ ошибокъ: такъ нельзя не признать, что правильнѣе было бы не выпиливать нѣкоторыхъ надписей, которыхъ безъ образовъ, къ кото-

рымъ онъ относились, не могли почти имѣть значенія. Д. А. самъ впослѣдствіи призналъ свою ошибку и объяснялъ ее только тѣмъ, что онъ считалъ необходимымъ привезти и эпиграфические подлинники, т. к. самъ онъ надписей не читалъ. Надписи эти санскритскія, индійскими письменами брахми. Перечень ихъ войдетъ въ указанную выше опись научныхъ результатовъ экспедиціи Д. А. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о вычищаніи фресокъ, потому что онъ пріобрѣлъ особенную жгучесть въ связи съ прусскими экспедиціями г. фонъ-Лекока, который, совершенно не считаясь съ научной стороною дѣла и имѣя въ виду исключительно музейные интересы, опустошилъ многочисленныя пещеры китайскаго Туркестана: безъ соотвѣтствующихъ приспособленій, совершенно первобытными способами, по усмотрѣнію г. фонъ-Лекока, вырѣзались роспись цѣлыхъ стѣнъ или кусковъ стѣнъ, при чемъ, какъ мы въ этомъ убѣдились лично, безвозвратно погибло столько же, если не болѣе того, что было взято для Берлинскаго Музея. Будучи совершенно незнакомъ съ буддійскимъ искусствомъ, г. фонъ-Лекокъ вырѣзаль фрески, можно сказать, ощупью. Совершенно другой характеръ носила работа Д. А., чрезвычайно осторожная и осмотрительная; онъ стремился брать лишь нѣкоторые, небольшіе образцы и только въ отношеніи нѣсколькихъ надписей пошелъ по неправильному пути.

Отличительнымъ признакомъ Д. А. Клеменца, какъ научнаго работника, было сознательное и опредѣленное отмежеваніе той области, въ которой онъ работалъ: онъ считалъ себя прежде всего, больше всего путешественникомъ, и соотвѣтственно этому и велъ свою работу. Онъ полагалъ, что ему прежде всего надлежитъ сдѣлать именно ту работу, которую можетъ сдѣлать только человѣкъ, работающій на мѣстахъ. Эту отличительную его черту мы видимъ и въ способѣ его работы въ Турфанскої экспедиціи, въ его Турфанскихъ дневникахъ и въ его книгѣ. Онъ знакомится съ литературою вопроса, но не пытается дѣлать изслѣдованій, для которыхъ не чувствуетъ себя призваннымъ, а только освѣщаетъ для себя книжными данными собранный и видѣнныи на мѣстѣ матеріалъ; онъ заботится о возможно точныхъ

описаніяхъ и о возможной, какъ мы это уже видѣли, полнотѣ указанного материала.

Просматривая записи относительно отдѣльныхъ мѣстъ, отдѣльныхъ пещеръ, мы видимъ, съ какой осторожностью Д. А. касается темъ, ему мало знакомыхъ: знаніе буддійской иконографіи, монгольской и тибетской, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло подготовить къ пониманію образовъ Турфанской росписи, которые во многомъ и до сихъ поръ еще не поддаются толкованію специалистовъ. Но сдѣланная Д. А. описанія, указанія на разныя манеры живописи возбудили живѣйшій интересъ специальныхъ круговъ и указали на связь со стѣнописью буддійскихъ пещеръ Индіи.

Только при сравненіи книги Д. А. съ послѣдующими описаніями Турфанскихъ древностей другими экспедиціями, можно составить себѣ точное представление о значеніи работы Д. А., какъ первого шага на томъ пути открытія новыхъ культуръ, которая обнаружилъ для насъ китайскій Туркестанъ. То, что въ западной и южной части китайскаго Туркестана было сдѣлано находками и изысканіями Н. Ф. Петровскаго, то для восточной и сѣверо-восточной части страны было сдѣлано Д. А. Клеменцемъ и его экспедицію. Цѣлый рядъ путешественниковъ былъ до него въ Турфанѣ, всѣ они видѣли хоть часть древностей края, которая въ значительной мѣрѣ доступны были всякому проѣзжему, и тѣмъ не менѣе никѣмъ изъ нихъ не дано описанія древностей, достаточнаго для того, чтобы вызвать вниманіе специалистовъ и побудить ихъ къ систематическому изученію края въ археологическомъ отношеніи. Достигнутые результаты и горячее сочувствіе его работъ побудило Д. А. внести въ Восточное Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, вмѣстѣ съ Н. И. Веселовскимъ и С. Ф. Ольденбургомъ, предложеніе обѣ отправкѣ экспедиціи въ китайскій Туркестанъ, срокомъ на два года: въ экспедицію должны были отправиться Д. А. Клеменцъ и С. Ф. Ольденбургъ и изслѣдовать древности и сѣверной, и восточной, и южной части края. Предложенію этому, горячо поддержанному Обществомъ, съ его Августѣйшимъ президентомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ во главѣ, не суждено было осуществиться, вслѣдствіе кате-

горического отказа министра финансовъ Сергея Юльевича Витте. Русскимъ ученымъ и на этотъ разъ, какъ бывало и бываетъ нерѣдко, пришлось отойти на время отъ начатаго ими вполнѣ успѣшно дѣла, которое перешло въ руки иностраннныхъ, въ первую голову нѣмецкихъ, ученыхъ, получившихъ въ своей странѣ средства на экспедицію. Только много лѣтъ спустя, при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ, русскимъ ученымъ удалось продолжить дѣло Д. А. Съ благодарностью вспоминаютъ они его и будутъ всегда помнить, что начало научнаго изученія сѣвера китайскаго Туркестана положено экспедиціею Дмитрія Александровича Клеменца.

31 VII. 916.

Сергѣй Ольденбургъ.

